

УДК 111

Вопрошание как экзистенциал человеческого бытия

Ступин Сергей Сергеевич

Кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительного искусства
Российской академии художеств,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Пречистенка, 21;
e-mail: stupin-ss@mail.ru

Аннотация

Способность к вопрошанию понимается как одно из оснований человеческого существования, как базовая экзистенциальная потребность. Трансцендентальный опыт «пределного вопрошания» в философском и эстетическом сознании интерпретируется как самодостаточный «вопрос-ответ» Бытию. В статье подчеркивается связь онтологического вопрошания с современными космогоническими представлениями, антропным принципом. Особое внимание уделяется пониманию вопрошания как экзистенциала – субстанциальной, неизбывной потребности и характеристики homo sapiens. Креативная и витальная функции вопрошания интерпретируются как способы создания исторически изменчивой картины мира. Особым вкладом автора в исследование темы является сопоставление представлений о феномене вопрошания философами XX в., мастерами современного искусства и авторитетными представителями естественных наук. Новизна исследования заключается в обнаружении творческого потенциала экзистенциального вопрошания, фундирующего разнообразные креативные практики – от индивидуального художественного творчества до создания нового космогонического мифа.

Для цитирования в научных исследованиях

Ступин С.С. Вопрошание как экзистенциал человеческого бытия // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 4А. С. 130-137.

Ключевые слова

Вопрошание, эротематика, трансцендирование, экзистенция, антропный принцип, экзистенциал, саморефлексия, диалог, другой, самоидентификация.

Введение

«Мы преисполнены тоски по трансцендентному» [Книга знаний..., 2010, 192]. В своей безыскусной простоте признание африканского писателя Воле Шойинки выглядит почти безусловным. Нобелевский лауреат, сетуя, что в современном европейском обществе столь необходимые каждому практики трансцендирования принимают маргинальные, сектантские формы, свидетельствует: «Для человека искусства интуиция, творческая сила и различные степени одержимости неразрывно связаны друг с другом» [Там же, 203]. Шойинка уверен, что «люди там не имеют больше естественного доступа к магическим реальностям, к шаманским аспектам собственного существования. Как только метафизический порыв подавляется, он мучает психику и разряжается в конце концов нездоровым образом» [Там же].

Условия повседневной жизни европейского человека не располагают к трансцендированию, однако трансгрессивная потребность в диалоге с Иным, очевидно, не ослабевает. Данное обстоятельство подводит к вопросам онтологического и экзистенциального характера: почему мы преисполнены этой неизбежной тоски? почему «мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне» [Монтень, 1998, 15]?

Трансцендирование как экзистенциальная потребность

Среди отличительных признаков человека, характеризующих его как биологический вид *homo sapiens* и определяющих его уникальный статус среди бесконечного многообразия органических форм, называют, как правило, два основных: артикулированную речь и способность к труду, точнее сказать – возможность производить новое, т. е. то, чего еще не существовало и что своим появлением приумножает человеческую культуру как «вторую природу». Обе эти сущностные черты можно суммировать в еще одном характерном только для человека свойстве – способности задаваться вопросом о самом себе и неутолимом желании по мере решения одних антропологических задач ставить задачи новые, при этом формулируя их не только посредством естественного языка как членораздельной речи, но и артикулируя их при помощи всех известных знаковых систем, включая языки философии и языки искусства.

Только человеку доступна саморефлексия как способность «выхода» из собственного внутреннего бытия с целью превращения Я в объект самовосприятия, когда становится возможным аналитический взгляд на собственное эго извне. Так складывается парадоксальная ситуация: чтобы осознать себя в качестве Другого, человек вынужден на время сам стать Другим. Подобная инверсия не под силу ни одному из известных науке обитателей живого и неживого мира.

Вопрошание самого себя, Вселенной или божества в качестве персонифицированного Абсолюта с целью получения своеобразного «руководства по экзистенциальному поведению» – ответов о своем месте и роли в мире – представляется сущностной чертой человека, неотъемлемым антропным свойством, которым, видимо, уже обладали люди эпохи палеолита. Эволюционные изменения затронули эту потребность количественно, но не качественно, и, думается, человечество не расстанется с ней до тех пор, пока не исчезнет как биологический вид.

Адресованный самому себе вопрос «Кто я?», вероятно, следует интерпретировать в рамках аналитики априорных адаптивных способностей. Наделенный пугающим знанием собственной

конечности, человек – и в масштабах личного микрокосма, и в масштабах социума – каждый раз вынужден справляться с ним, ибо осознанное существование в хаосе, «перед лицом бездны» невыносимо.

Вопрошание приносит облегчение. Точно сформулированный запрос бытию обещает если и не убедительную очевидность истины, то как минимум экзистенциальный смысл как отвоеванный у хаоса форпост порядка. Вопрошание становится едва ли не единственным способом рациональной самоадаптации человека на территории экзистенциального.

Антропологическая укорененность «архетипа вопрошания» подтверждается самим существованием философии, науки и искусства, равно интересующихся вопросом «Что есть человек?», и исследование экзистенциальных смыслов как добытых человеком смысложизненных «ответов» можно вести на материале любой исторической эпохи. В то же время выбор хронологических границ настоящего исследования (с конца XIX в. по настоящее время) не случаен. Избранный период был мировоззренчески подготовлен послегегелевскими «философиями жизни» (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Х. Ортега-и-Гассет и др.), психоаналитическими открытиями (З. Фрейд, К.-Г. Юнг, Э. Фромм и др.), вкладом интуитивистов (А. Бергсон и др.), персоналистов (Н.А. Бердяев и др.). Мы и сейчас продолжаем жить в эпоху «радикального поворота», предельного антропологизировавшего философию. С немецкой педантичностью и последовательностью М. Хайдеггер («фундаментальный онтолог» по собственному признанию, а по сути – экзистенциалист) впервые поднял основополагающие человеческие состояния до уровня философской онтологии и наделил статусом экзистенциалов («человекофилософских» категорий) базовые характеристики психодуховного мира *homo sapiens* [Хайдеггер, 1997]. Пожалуй, никогда еще человек настолько точно не соответствовал своему определению как меры всех вещей.

Способ «мышления человеком», конечно, не нов. От Сократа к С. Кьеркегору – через эпикурейцев, стоиков, ренессансных гуманистов и просветителей XVIII в. – можно наблюдать его причудливые вариации. Но антропологические тупики и кризисы XX в. с феноменом «восстания масс» и «вертикального одичания» (Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2016]), двумя мировыми войнами и разгулом тоталитарных диктатур, уронивших цену и человеческой жизни, и человеческой личности до нуля, придали извечным экзистенциальным проблемам особую остроту и актуальность. В ситуации, «когда поэзия невозможна», когда этические ориентиры прошлого (как и сам рациональный способ мышления) подверглись «подозрению» и критике, экзистенциальная философия выступила на правах единственного честного знания, последнего ответа отчаявшегося и сходящего с ума разума (Т. Адорно) [Адорно, 2003] самому себе – в форме доктрины социальной ответственности Ж.-П. Сартра [Сартр, 2004], апологии абсурда А. Камю [Камю, 1990], «философии любви» Г. Марселя [Марсель, 1995], диалогической теории М. Бубера [Бубер, 1993] и других ипостасях.

Историческая реальность заставила человека сбросить все наносное. Расставаясь с иллюзиями, комфортными мифами прошлого, в которых уже невозможно было жить, человек остался наедине с собой – с собственной экзистенцией, «веществом жизни», ощущением момента протекания личного существования, которое единственно и обладало непреложностью, очевидностью, достоверностью. Острое ощущение себя-живого становилось (и продолжает оставаться) единственным достоверным и беспримесным знанием о себе.

По справедливому замечанию Эмериха Корета, «человек обязан вопрошать, это принадлежит к его существу. Он не безвопросно вплетен в необходимость событий природы,

он не встроено подобно животному в ограниченную окружающую среду и не фиксируется определенным поведением» [Корет, 1998, www]. Вопросание становится фундаментом самой метафизики. По Корету, философия возникает из вопроса о первом основании и конечной цели целого. При этом подчеркивается сущностное «экзистенциальное ядро» философии: «Она имеет "экзистенциальное" стремление – если только сохраняет свою сущность – раскрывать человеку смысл его жизни, горизонт его существования в целокупной действительности. Если философия оставляет на произвол судьбы это стремление и забывается в мельчайших спорах о словах, то она лишается значения, ибо становится беспредметной» [Там же].

Австрийский философ утверждает универсальность вопрошания, охватывающего и предмет вопроса, и самого задающегося им: «Каждый вопрос, что и почему нечто "есть", является уже вопросом о бытии. То, что, собственно, составляет вопрос, есть бытие, благодаря которому есть сущее. Так как этот вопрос охватывает все, что вообще есть, то он охватывает также вопрошающего и его самого ставит под вопрос» [Там же]. Онтолог приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: «Вопрос о правильном начале... сам дает ответ: начало есть вопрос, упреждающий всякое иное начало, сам же он ничем не упрежден... Но если вопрос есть начало, то вопрос о начале превращается в вопрос о вопросе. Вопрос рефлегируется самим собой, вопрошая о своей сущности, возможности и условиях. Тем самым он методически обосновывает ход дальнейшего вопрошания» [Там же]. Налицо «фрактальная» – самопорождающаяся, самовоспроизводящаяся структура вопрошания, которой, по Корету, «нельзя избежать».

Первичность и универсальность вопрошания как логического и антропологического феномена демонстрирует и герменевтика. «Подлинная сущность прозрения заключается, пожалуй, не столько в том, что нам приходит в голову решение, подобное решению загадки, сколько в том, что нам приходит в голову вопрос, выталкивающий нас в сферу открытого и потому создающий возможность ответа, – отмечает Х.-Г. Гадамер. – Всякое прозрение имеет структуру вопроса. Однако прозрение, приводящее к постановке вопроса, есть уже вторжение в тихую гладь распространенных мнений. Поэтому также и в вопросе мы говорим, что он "приходит в голову", что он "встает" или "возникает", гораздо чаще, чем говорим, что мы его "ставим" или "поднимаем"» [Гадамер, 1988, 430-431].

Важно подчеркнуть, что, с точки зрения герменевтики, вопрос является не только средством достижения цели (получение ответа), но и целью как таковой: «Вопрос вводит опрашиваемое (das Befragte) в определенную перспективу. Появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого. Поэтому логос, раскрывающий это вскрытое бытие, всегда является ответом. Он сам имеет смысл лишь в смысле поставленного вопроса» [Там же, 427]. Герменевтическая модель «вопрос как ответ» ценна для понимания экзистенциального противостояния «заброшенного», «бесприютного» Я бесстрастному «объективному Бытию». Интенциональность вопрошания, даже в безнадежной попытке озарить Небытие (самоотсутствие) трансцендентного, выплескивается в его направлении и «растекается» по горизонту доступных, «дозволенных» человеку трансцендентальных смыслов на манер того, как горизонт событий черной дыры облепляют фантомы безвозвратно исчезнувшей в ней материи.

Вопрошание как основание современной космогонии

Неизбывная, антропологически укорененная способность homo sapiens задавать вопросы становится онтическим знаменателем, который руководствует всем комплексом

экзистенциалов. Экстремумы творчества, любви, одиночества, свободы, страха суть формы «вопроса-ответа» бытию, способы диалогического присутствия Я в мире, причем присутствия деятельностного, активного. Витальная сила волевого, экзистенциально мужественного «вопроса-ответа» позволяет инверсивно перефразировать Декарта: «вопрошаю – следовательно существую» и «существую – следовательно вопрошаю».

Не будет преувеличением утверждать, что историей вечно взыскующего человеческого духа становится не только история мировой философии, но также история науки, религиозных учений и, конечно, искусства. При этом лишь двум последним формам воплощения гегелевской «абсолютной идеи» доступен экстаз как уникальный «способ скольжения» по трансцендентному.

«Я верю, что именно поэзии отводится роль сказать свое последнее слово, если оно вообще существует, – размышляет известный сирийский поэт наших дней Адонис. – Философия может дать много идей, даже много правды, но в какой-то момент она оказывается неспособной отвечать на последние вопросы. То же самое происходит с наукой, с другими дисциплинами, с историей и т. д. Таким образом, когда различные формы познания хранят молчание или им просто больше нечего сказать, остается поэзия. Ей одной всегда есть что сказать, и именно в этом смысле она является той силой, которая связывает нас и открывает нам неизвестное» [Книга знаний..., 2010, 33].

Показательны слова Альберта Эйнштейна, произнесенные им незадолго до смерти. В своей последней статье «Наука и религия» ученый говорит: «Моя религия проявляется в моем уважительном восхищении перед бесконечной духовной, переходящей все границы силой, которая проявляется в мельчайших деталях, которые мы еще не можем постичь своим слабым и хрупким рассудком, и в моей глубочайшей уверенности о существовании спиритуального разума, который открывается как откровение в непостижимом универсуме, – это и есть мое представление о боге» [Там же, 43].

Комментируя это симптоматичное признание, Адонис справедливо указывает на беспомощность науки «перед лицом непознанного абсолюта», «перед тишиной, перед неизвестным, особенно в контексте эпохи покорения космического пространства» [Там же, 43-44]. «Наука уподобилась сегодня поэзии, она занялась описанием бесконечности этого мира, – констатирует он. – Но последний секрет вселенной всегда останется неизвестным. Именно поэтому ученый вполне может стать либо религиозным человеком, либо поэтом. В этом и заключается объяснение, доказывающее, по крайней мере для меня, что поэзия – единственная форма познания, которая глубоко гуманна по своей сути» [Там же].

Человеческая спиритуальность обнаруживается как бесконечное в конечном. Адонис задается вопросом: «Человек, хотя он и смертен, все же имеет в себе нечто такое, что превосходит его. В нем находится что-то, что не умирает: таким образом, предельность нашего существования таит в себе беспредельность. Бесконечность человека в рамках его конечности... как раз то, над чем не властна даже смерть. Может быть, именно здесь и заключен смысл нашего подлинного существования?» [Там же, 46]

Человек суть уникальный микрокосм, заключенный в брентановскую оболочку. Он же воплощает собой потенцию трансцендирующего вопрошания.

Подобные «антропные формулы» могут быть приняты как данность, как обоснование специфики существования определенного биологического вида в строго отведенном ему сегменте пространства и времени. В этом смысле правы культурологи [Межуев, 2006], для которых проклятый вопрос философской антропологии «Зачем?» актуален лишь в пределах

хронотопа бытия самого человечества. Но здесь экзистенциалисту неожиданно протягивает руку помощи современный астрофизик.

Ощущая дефицит собственных инструментов познания, точная наука наших дней все чаще прибегает к антропологически и даже эстетически значимым подходам в интерпретации роли человеческого бытия в контексте существования Вселенной. В числе таковых особое место занимает «антропный принцип», разработанный астрофизиком Брендоном Картером в 1973 г. Как показал ученый, случившийся 16 миллиардов лет назад Большой взрыв изначально создал такие виды частиц и взаимодействий между ними, что предопределил в будущем возникновение разумной жизни. Таким образом, рождение Вселенной в физическом плане гарантировало появление человека, и он является закономерным этапом ее эволюции.

Американский астрофизик Стивен Хокинг не без остроумия отмечает: «Если бы Вселенная была другой, нас здесь не было бы» [Лебедев, 2010, 12]. По его расчетам, если бы скорость расширения Вселенной через секунду после Большого взрыва была «хотя бы на одну сто тысяча миллион миллионную меньше, то произошло бы повторное сжатие Вселенной и она никогда бы не достигла своего современного состояния» [Там же]. Космолог провокационно заявляет: «Почему начало Вселенной должно быть именно таким, очень трудно объяснить иначе, как деянием Бога, которому захотелось создать таких людей, как мы» [Там же].

В свою очередь, известный английский математик Г.Дж. Уитроу показал, что трехмерный мир, в котором живет человек, есть «обязательная предпосылка для существования наблюдателей, которые способны поставить такой вопрос» [Там же].

Физик из США Дж. Уилер резюмирует: «Наблюдатель так же необходим для сотворения Вселенной, как и Вселенная для возникновения наблюдателя» [Там же, 11].

Заключение

Трансцендентальные способности homo sapiens ограничены. Взывающее к человеку Иное замкнуто в ноуменальном, трансцендентном «иррациональном остатке». Однако, в полной мере сознавая наличие гностического предела, человек «эры недоверия» востребует витальную функцию онтологического вопрошания, фундирующую экзистенциалы свободы и креативности. Так, философия и искусство XX-XXI вв. творят новый миф об освоенной, не чуждой человеку реальности.

Библиография

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Камю А. Бунтующий человек. М.: Издательство политической литературы, 1990. 418 с.
5. Книга знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.
6. Корет Э. Основы метафизики. Киев: Тандем, 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/koret01/index.htm>
7. Лебедев С.А. Онтология человека // Философская антропология. Человек многомерный. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
8. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. 216 с.
9. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: ИНИОН РАН, 2006. 408 с.
10. Монтень М. Опыты: в 3 кн. СПб.: Респекс, 1998. Кн. 1-2. 960 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2004. 678 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Questioning as an existential aspect of human being

Sergei S. Stupin

PhD in Philosophy,
Leading Researcher,
Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts,
119034, 21 Prechistenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stupin-ss@mail.ru

Abstract

The article views questioning as an existential aspect of human being. The ability to carry out questioning is regarded as a basis for human existence and is considered to be a basic existential need. In philosophic and aesthetic perception, the phenomenon of “finite questioning” in transcendent experience is interpreted as a self-sufficient question that contains its answer inside the Being. The author of the article points out the correlation between ontological questioning and modern cosmogonic ideas, the anthropic principle. Special attention is paid to the understanding of questioning as an existential aspect – a substantial, inescapable need and a characteristic of Homo sapiens. The creative and vital functions of questioning are interpreted as ways of creating a historically changeable worldview. The comparison among ideas about the phenomenon of questioning in the works by the philosophers of the 20th century, the masters of modern art and authoritative representatives of natural sciences can be viewed as a special contribution of the author to the study of the topic. The relevance of the research lies in the discovery of the creative potential for existential questioning, which funds a variety of creative practices – from individual artistic creativity to the creation of a new cosmogonist myth.

For citation

Stupin S.S. (2019) Voproshanie kak ekzistentsial chelovecheskogo bytiya [Questioning as an existential aspect of human being]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (4A), pp. 130-137.

Keywords

Questioning, erotematics, transcendence, existence, anthropic principle, existential aspect, self-reflection, dialogue, other, self-identification.

References

1. Adorno T. (2000) *Negative Dialektik*. Suhrkamp. (Russ. ed.: Adorno T. (2003) *Negativnaya dialektika*. Moscow: Nauchnyi mir Publ.)
2. Buber M. (1923) *Ich und Du*. (Russ. ed.: Buber M. (1993) *Ya i Ty*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.)
3. Camus A. (1951) *L'homme révolté*. (Russ. ed.: Camus A. (1990) *Buntuyushchii chelovek*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.)
4. Coreth E. (1994) *Grundriss der Metaphysik*. Innsbruck – Wien: Tyrolia-Verlag. (Russ. ed.: Coreth E. (1998) *Osnovy metafiziki*. Kyiv: Tandem Publ. Available at: <http://psylib.org.ua/books/koret01/index.htm> [Accessed 12/03/19].)
5. Gadamer H.-G. (1960) *Wahrheit und Methode*. Tübingen. (Russ. ed.: Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod*. Moscow: Progress Publ.)
6. Heidegger M. (1927) *Sein und Zeit*. (Russ. ed.: Heidegger M. (1997) *Bytie i vremya*. Moscow: Ad Marginem Publ.)

Sergei S. Stupin

-
7. *Kniga znanii. Besedy s vydayushchimisya.myslityami nashego vremeni* [The book of knowledge. Conversations with outstanding thinkers of our time] (2010). Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
  8. Lebedev S.A. (2010) *Ontologiya cheloveka* [Human ontology]. In: *Filosofskaya antropologiya. Chelovek mnogomernyi* [Philosophical anthropology. Multidimensional man]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
  9. Marcel G. (1995) *Tragicheskaya mudrost' filosofii* [Tragic wisdom of philosophy]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury.
  10. Mezhuev V.M. (2006) *Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury* [The idea of culture. An outline of the philosophy of culture]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
  11. Montaigne M. (1965) *Les essais*. Pierre Villey. (Russ. ed.: Montaigne M. (1998) *Opyty: v 3 kn.*, Books 1-2. St. Petersburg: Respeks Publ.)
  12. Ortega y Gasset J. (1929) *La rebelión de las masas*. (Russ. ed.: Ortega y Gasset J. (2016) *Vosstanie mass*. Moscow: AST Publ.)
  13. Sartre J.-P. (1943) *L'être et le néant*. (Russ. ed.: Sartre J.-P. (2004) *Bytie i nichto*. Moscow: Respublika Publ.)